# Моисей ОСТРОГОРСКИЙ[1]

# ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ*

## Глава шестая
## ПОЛИТИКА И МАШИНА

### I

На большой сцене избирательной жизни<...> нам не раз пришлось столкнуться с профессионалами-политиками, дергающими за веревочки. Чтобы лучше усвоить деятельность этих политиков со всеми ее двигателями и последствиями, нужно перенестись за кулисы, захватить их в их внутреннем мире и заставить их, в некотором роде, позировать перед собой, как позируют перед художниками.

Американские политики, составляя совершенно особый класс в американском обществе, не имеют определенного происхождения. Они набираются из всякой среды, в зависимости от обстоятельств и личных вкусов и являются продуктом «естественного отбора». Стимулом для политиков является желание добиться какого-либо общественного поста или, что реже, пользоваться влиянием и властью. Многие любят просто «игру». Искателями этой категории являются иногда люди из материально обеспе-

---

[1] Острогорский Моисей Яковлевич (1854 – 1921) – российский политический мыслитель, основатель социологии политических партий как самостоятельного направления современной политической науки. Магистральной темой творчества М.Острогорского стала западная демократия, к изучению которой он подошел с точки зрения механизма функционирования политических партий. Именно это направление исследований, связывающее воедино философию, право, социологию и политику ведущих западных демократий, позволило ученому сделать принципиально новый шаг в науках об обществе. Фундаментальный труд М.Острогорского «Демократия и организация политических партий» был впервые издан в 1898 г. на французском языке.

* Публикуется с незначительными сокращениями по: *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии / Пер. с франц. А.М.Демьяновой. Т. 2. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930.

ченной среды. Но, как общее правило, политический искатель – человек из низших слоев общества, мелкий служащий, ремесленник, может быть шофер омнибуса, или же деклассированный, или неудачник. Чтобы осуществить свою мечту, он начинает «изучать политику». Это не политика. Аристотеля и даже не политика колумбийского колледжа, но все же наука, требующая большого прилежания и известных природных способностей. Она содержит в себе техническую часть, которая обнимает собой знание механики партийной организации с ее многочисленной системой колес: первичными собраниями, комитетами, многочисленными конвентами и легальной процедурой, установленной для составления избирательных списков и голосования. В то же время будущий политик изучает маневры, трюки и подлоги, при помощи которых меньшинство превращают в большинство и придают подобие народной санкции замыслам шайки политических пройдох.

Между тем все эти безусловно полезные знания представляют из себя лишь азбуку искусства политика, которая сама по себе еще не достаточна для того, чтобы человек мог далеко продвинуться. Главным предметом их обучения является своего рода эмпирическая психология, изучающая людей их окружения со всеми их слабостями. Для того чтобы привлечь к себе возможно большее число людей, они начинают со своих непосредственных соседей, живущих на той же лестнице; потом распространяют свое влияние на жителей всего дома, а затем и на соседние дома. Связавшись с дюжиной или полдюжиной избирателей, готовых часто из одной только дружбы быть с ним солидарными на выборах, начинающий политик уже обладает маленьким политическим капиталом, который он заставит приносить золото, как плоды, и который может быть будет являться базой его богатства, как первый тысячный билет будущего миллионера. Если он «обладает» десятком или дюжиной голосов, его примет с распростертыми объятиями местная партийная организация. Его карьера «участкового политика» (ward politican) началась.

В населенных кварталах крупных городов мелким политикам не нужно создавать вокруг себя всякого рода политических группировок; они их находят совершенно готовыми в жизненном быту, где добрососедские связи и, в особенности, общность вкусов и взаимных симпатий создают небольшие кружки и компании мо-

лодых людей, регулярно встречающихся на перекрестке или в пивной. Эти компании, или gangs, являются скрытой политической силой: в момент выборов они могут составить блок голосующих. Таким образом, мелкий политик должен наложить на них свою руку. Часто он сам вырос в такой компании, причем неоднократно имел случай проявить свои способности, и эта компания привыкла во всем следовать за ним. Союзы европейских иммигрантов представляют собою не менее благоприятную почву для расцвета политика, «руководителя людей». Немцы, итальянцы и славяне приезжают, не зная ни языка, ни быта, ни порядков страны. Но вот они находят земляка, уже обжившегося и акклиматизированного в Новом свете, который братски идет им навстречу; он руководит их первыми шагами, он им помогает в поисках работы и выступает за них перед лицом государственной власти; позднее, когда прошли легальные сроки, или может быть даже раньше, он добивается их натурализации. Будучи признательными ему за его доброе отношение и в восторге от его любезности, они с безусловным доверием отдают ему избирательные голоса, право на которые они только что получили и с которыми часто не знают, что и делать. Вот еще один «владелец» голоса, который сумеет его хорошо поместить в избирательной казне.

Когда влияние начинающего политика в избирательной секции укрепляется, партийная организация его формально признает, он становится ее официальным представителем и приобретает неоспоримое право на часть доходов, которые получает организация, государственную должность, больше соответствующую его заслугам избирательного манипулятора, чем его подготовленности. Часто начинающий политик встречает в своей партии соревнователей и соперников. Тот, кто лучше всех умеет держать в руках себе подобных, кто лучше других оценит или сумеет оценить каждого человека, наиболее всего приспособленного поддерживать согласие и связь, встанет во главе и сделает своих соперников своими верными помощниками. Они примкнут к его колеснице, чтобы получить часть его добычи, менее блестящую, но более верную. Непосредственным объектом и, до некоторой степени, ареной этой «борьбы за существование» является местное первичное собрание: политику необходимо утвердиться в первичном собрании для того, чтобы оно выбирало делегатов по его указанию. Тот из соперников, кто этого какими бы то ни бы-

ло средствами достигнет, будет «признан» высшей партийной организацией, являющейся безучастной зрительницей борьбы. На более широкой арене участка или округа мелкий политик встречается с другими политиками того же ранга и там снова происходит тот же процесс естественного отбора; некоторые из них поднимаются до ранга «лидера», беря верх над всеми «участковыми политиками». Некоторые «лидеры» из самых ловких объединяются и образуют ring (ринг) или combine (объединение), чтобы обрабатывать избирательный материал и эксплуатировать то, что имеется у него внутри (what there is in it). Организация политиков достигает последней степени своего развития, когда лидеры выделяют из своей среды хозяина в лице человека, имеющего преимущество перед другими, благодаря своей силе воли, проворству, смелости и удаче, и который укрепляется per fas et nefas в центральных конвентах партии, подобно тому, как его прототип «квартальный политик» укрепляется в первичных собраниях. В молчаливом согласии все строятся в ряды за этим человеком и признают его высшим начальником. Он является священным боссом города или боссом штата, в зависимости от случая. Находясь во главе своих сторонников, он формирует вместе с ними то, что называется машиной или, иначе говоря, союз людей, расположенных в определенной иерархии и связанных друг с другом личной преданностью, но на корыстной основе, и озабоченных лишь удовлетворением своих аппетитов путем эксплуатации богатства политической партии. Люди машины не соглашаются с этой кличкой и называют себя «организацией», узурпируя таким образом название после того, как уже узурпировала сущность, после того, как захвачена партийная организация, путем целой серии счастливых операций в первичных собраниях и в конвентах. Это различие между машиной и организацией часто существует на деле. Будучи обычным явлением, машина, однако, не является явлением всеобщим. Для ясности изложения я буду говорить сначала о машине так, как если бы она покрывала, всю политическую поверхность Соединенных Штатов.

Бывает, что честолюбивый политик, обладающий энергией, предвосхищает процесс естественной эволюции, создаст машину сверху донизу, открывает людей, способных служить ему в качестве помощников, и путем их размещения раскидывает свою сеть по всему городу, по всему штату. Но если он этого добился, то

лишь потому, что социальный и политический элемент машины уже совсем готов. Нужно только знать, как его объединить и как им управлять. Наибольшей приманкой и наиболее крепкой спайкой для политиков являются должности на государственной службе. Во всяком случае, большая часть людей машины гораздо меньше награждается деньгами, чем обещаниями на будущее; в это будущее они верят особенно настойчиво, и надежды, которая им дается, достаточно для того, чтобы поддержать их усердие на очень долгое время. К материальной прибыли, которую политики получают или ожидают получить за свои услуги, присоединяются развлечения в обществе, которые они получают на собраниях в своем особом кругу.

Всех людей машины можно разделить на три главных категории, представляющие собою три определенных ступени: boys (мальчики), henchmen (служители) и boss (боссы). Boys – это простые партийные работники (workers), которые выполняют большую черную работу, очень часто грязную работу политики. Они являются протагонистами первичных собраний, они находятся там всегда в полном составе, чтобы поддержать своими голосами и, если это нужно, своими кулаками зачинщиков; они являются покорным орудием подлогов и маневров, задуманных изобретательностью господствующего ринга; они создают склоку на митингах; они обивают мостовую в процессиях и в парадах; они обегают пивные для того, чтобы собирать избирателей, и идут их разыскивать по домам; и вообще они всегда находятся под рукой у зачинщиков, готовые выполнить любое распоряжение, отчего и получили кличку heelers (тот, кто следует по пятам, кто стоит рядом). Невежественные, грубые, неспособные к регулярной работе heelers набираются преимущественно среди «опасных», преступных или полупреступных элементов, среди завсегдатаев пивных, неудачников и всякого рода обездоленных.

Henchmen являются лейтенантами и помощниками босса; их социальное положение и их ранг колеблются в зависимости от положения их патронов, начиная со сторонника небольшого местного лидера и кончая доверенным лицом крупного босса, заседающего в сенате Соединенных Штатов. Henchman является в некотором роде префектом или викарием, который «работает» для босса, который обрабатывает в его пользу подчиненных политиков и избирателей. Он персонально ответственен перед бос-

сом за успех своих операций; если он проявляет недостаток усердия или ловкости, его отстраняют без всяких объяснении. Если человек недостаточно полезен машине, он безжалостно выкидывается за борт. Вне политической службы henchman должен проявлять в отношении босса личную покорность, как вассал перед своим государем. Он чувствует к боссу преданность, в которой нет привязанности, но которая является смесью послушания, зависимости и искреннего восхищения к доблестному руководителю. Он видит в нем живое воплощение доблести и идеала «политика», который представляется людям, выросшим в низах, в не менее блестящем ореоле, чем ореол, окружавший рыцаря средних веков. Часто босс держит своих henchmen'ов на известном расстоянии от себя и позволяет им к себе приближаться лишь с проявлением знаков уважения; другие допускают в своих взаимоотношениях с лейтенантами больше товарищества, но всегда существует подчинение, и часто оно доходит до услужливости, которая была бы даже противна наемной прислуге.

Босс, в свою очередь, должен помогать и оказывать протекцию своим henchmen'ам, он должен их защищать всеми силами, способствовать их политическому властолюбию, если таковое имеется, обеспечивать их существование, если они не богаты, как это бывает с большинством его помощников, добывать им места на государственной службе и там их поддерживать, какова бы ни была их неосведомленность и неаккуратность в работе. Он перевернет небо и землю, чтобы определить на службу этих людей и использует для этого все свое влияние. Это является первым вознаграждением, которого он требует, забывая о себе, у выше стоящего босса или у руководителя исполнительной власти, назначающего на должности. Он осаждает нового президента и, как попрошайка должностей во время первого президентства Гаррисона, он готов ночевать в кулуарах Белого дома, чтобы захватить президента, лишь только он проснется: ему нужно место для его henchman'а. Если босс заседает в сенате, он не остановится перед тем, чтобы оказать давление на администрацию, приостановив прохождение важного закона, которого ожидает страна: ему нужно место для его henchman'а. Совсем не из рыцарских чувств так усиленно заботится босс о своих помощниках: если он не будет активно хлопотать в их пользу, никто не захочет «работать» для такого начальника; та же участь постигнет его, если при

всех своих стараниях он окажется неспособным предоставить места этим людям. Но поскольку существуют связи, связывающие их друг с другом, их взаимные отношения определяются железной дисциплиной. Подчиненный политик должен отдавать себе полный отчет в этих личных взаимоотношениях; его симпатии и антипатии должны подчиняться определенной команде и он должен уметь их изменять, не ошибаясь. Главные лейтенанты сами ждут лишь приказаний. Комитеты партийной организации, комитеты участка, города, штата только фиксируют волю босса или лидера, и их члены в действительности являются лишь немыми статистами.

## II

Машина, таким образом, создана, политики подобраны и, так сказать, включены для действия. Теперь мы увидим их за работой. Для этой цели мы сначала проследим политика средней значительности, поставленного, благодаря своему промежуточному положению, в центре действий, как, например, помощника босса крупного города, «лидера округа» или «лидера участка». Этот лидер, сначала нам представляется в виде крупного деятеля машины в главной избирательной операции: намечении кандидатов. Опережая роль первичных собраний и конвентов, машина, как читатель об этом уже знает, составляет список (slate) делегатов и кандидатов и лишь регистрирует его на партийных собраниях. Избрав своих кандидатов, босс дает лидеру приказания «доставить солидную делегацию» для их поддержки, и лидер обязан ему «поставить товар». Если он неспособен, выполнить эту поставку, он теряет свои права лидера; и если, с другой стороны, лейтенанты босса, большого или маленького, отказываются ему «поставить товар», боссу не с чем будет производить торговлю избирательными функциями. Внутренние операции машины по всей линии также состоят из этих «поставок»: полагается, чтобы каждый лидер поставлял делегатов своему начальству, начиная от делегатов на конвент комитета, или округа до делегатов в национальный конвент. «Лидер округа» является первым поставщиком. Каким же образом он сам получает «товар»? После поставки делегатов нужно заставить голосовать избирателей за кандидатов, принятых этими делегатами. «Окружной лидер» яв-

ляется главным руководителем этой операции. Как он с этим справляется? В том или в другом случае он приходит к своей цели путем коррупции и обольщения. Средства на коррупцию ему доставляет машина; возможность обольщения он черпает в самом себе. Он любезен со всеми, даже с последним из людей. Не обижать никого и нравиться каждому, вот его девиз. Он находится в постоянном контакте со всеми избирателями своего участка, он знает всех, кто с ним соприкасается, их достоинства и их слабости и знает, как их использовать. Он очень хорошо понимает все это общество, так как он сам является его частью; если участок изобилует подонками населения, завсегдатаями кабаков, местный лидер машины сам не ушел далеко от них; наоборот, в участке, заселенном более порядочным населением, лидер имеет внушительную и приятную наружность, правильно говорит по-английски, любезен, но не вульгарен. Наряду со своими внешними достоинствами, он обладает также некоторыми моральными достоинствами: он человек смелый, обладает силой воли и в особенности человек своего слова. Неважно, что он является низким избирательным манипулятором, не останавливающимся ни перед каким подлогом, или что он показал себя нарушителем закона, на государственной службе, – он исполняет свои обещания, это человек чести. Это достоинство ценится в нем выше всех других потому, что все или почти все за чем-либо к нему обращаются. Все жаждущие государственных должностей, которые населяют его округ, обращаются к нему, начиная с адвокатов, которые добиваются места судьи, до чистильщиков улиц. Он является единственным в своем округе раздатчиком должностей, которыми располагает партийная организация. Этот «патронаж», доверенный лидеру, не ограничивается выборными постами. Чтобы добиться невыборных должностей в государственных учреждениях включительно до конторщиков в бюро, которые неизменно предоставляются по протекции, нужно иметь то, что называется pull или pulls, тайные «влияния», которые «продвигают» государственного чиновника, в пользу которого они действуют. Чиновник, обязанный своим местом партийной организации, берет на себя по отношению к ней известные обязательства: представитель организации, лидер машины имеет на него такой pull. Если не хватает бесчисленных мест государственной службы, лидер устраивает этих людей на железные дороги, на трамваи и дру-

гие большие частные предприятия: компания, как мы знаем, нуждается в «протекции» и, стараясь обеспечить себе все могущество партийной организации, она всегда идет навстречу просьбам и рекомендациям лидеров машины: на этих крупных патронов также имеется pull.

Кроме мест имеются еще тысячи других милостей, которые представитель машины может предоставить, благодаря своему влиянию, милости, которые могут принести счастье или несчастье всему существованию многих маленьких людей: разрешения, даваемые полицией или другой властью на открытие на улице мелкой торговли или мелкого предприятия, как галантерейщик, продавец прохладительных напитков с сиропом, чистильщик сапог и т. д.; одного слова лидера машины достаточно для того, чтобы предоставить бедняку право остановиться на углу улицы со своей импровизированной лавочкой. Через него также можно добиться разрешения открыть кабак или запретить его открытие конкуренту. Могущество pulls доходит до того, что закон оказывается перед ними бессильным, они гарантируют безнаказанность нарушений закона и даже преступлений. Если виновные являются правоверными машины, агенты полиции неоднократно воздерживаются от их ареста. Когда они арестованы, то лидер вмешивается, чтобы добиться их временного освобождения под поручительство. Он вносит сумму денег, назначенную для поручительства; потом до начала суда он старается устроить дело с судьей таким образом, чтобы добиться признания невиновности или, по крайней мере, значительного сокращения или смягчения наказания. Если дело более серьезно и зависит от прокурорского надзора, машина хлопочет о том, чтобы освободить преследуемых. Она имеет на них pull так же, как и на всех выборных чиновников. Если нельзя остановить преследования, их можно отложить надолго и изменить постановление суда. Таким образом, какой бы важности ни был случай, как только произошло «несчастье», бегут к лидеру машины, он является как бы защитником народа, он защищает бедняков от правосудия, он становится между ними и мстящим законом.

Многие другие граждане, которым нечего просить и нечего ожидать от государственной власти, но которые бедны и нуждаются, находят также помощь и поддержку у представителя машины; одному он одалживает доллар; для другого он достает

бесплатный железнодорожный билет; во время жестоких морозов он раздает уголь; он покупает медикаменты для больного; он помогает хоронить мертвых, способствуя получению гроба в кредит или за полцены. Он широко проявляет гостеприимство в кабаках; как только он туда входит, его встречают знакомые и незнакомые друзья, он всех угощает, он заставляет обнести всю компанию; один он не пьет; он находится на службе. Избиратели, которым представители машины делают одолжения или добрые дела, покупаются по прейскуранту. У каждого находят его слабое место. Машина захватывает округ, как колоссальная паутина паука. Каждый новый избиратель немедленно в нее попадается. Как только он поселяется на квартире в новом участке, производят опрос представителей участковой машины по его прежнему месту жительства, ему же наносят визит и стараются им овладеть. За него решают неизменный вопрос, с которым ему надоедает машина: в чем он нуждается и чего он хочет? Человек, который ничего не хочет и ничего не спрашивает, является наиболее трудной загадкой для машины, и она его рассматривает почти, как ненавистное существо.

Всевозможным одолжениям, вознаграждениям, предоставляемым тем, кто идет с машиной, соответствуют наказания, налагаемые на тех, кто ей препятствует. Она отнимает у них заработок, преследует их, притесняет, пользуясь всеми источниками своего влияния. Если тот, кто вызвал ее злобу, является служащим, она заставляет уволить его со службы; если он занимается промыслом или торговлей, лидер натравливает на него полицию, которая должна ему надоедать по всяким пустяковым и измышленным поводам: то неудовлетворительны санитарные условия его заведения, то коляски и тележки, которые установлены перед его дверью, мешают уличному движению. Сборщик налогов начинает тщательно проверять оплачиваемые таксы и патенты коммерсанта, впавшего в немилость машины, и выясняется, что он не заплатил своего долга. Кабатчик, который держал свое предприятие открытым после урочного часа и по воскресеньям под покровительственным оком полиции, преследуется, отдается под суд и жестоко осуждается с того момента, как он теряет милость машины. Несчастный торговец, стоявший на углу улицы, не избегает преследований машины не меньше миллионера: у него отнимают разрешение на стоянку.

Чтобы доказать свою непризнанную власть, машина использует все, даже трупы, как общество Таммани, которое, для того, чтобы дать хороший урок слишком свободомыслящему предпринимателю похоронного бюро, приказало городским служащим, преданным ему, перевести его на голодный паек и не посылать ему больше одного покойника в месяц.

Направляя свои усилия на отдельных избирателей, лидеры машины в то же время очень заботятся об установлении дружеских отношений с людьми, которые, благодаря своему положению или занятию, могут вести за собой массы и выполнять функции сержантов. Для этой цели они создают свою агентуру среди руководителей рабочих профессиональных союзов, на заводах и в мастерских и не задумываются опускаться до последних ступеней социальной лестницы для того, чтобы найти там полезную им поддержку: они заводят связь с содержателями меблированных комнат, с кабатчиками, арендаторами картежных домов и всякого рода притонов, посещаемых преступным или полупреступным элементом, они обещают этим людям протекцию у полиции и правосудия или вознаграждают их непосредственно. Помощь кабатчиков является особенно ценной, и очень часто машина делает их своими членами и доверяет им пост капитана (captain) той избирательной секции, где находится их кабак. Влияние развивает у кабатчиков их честолюбие и их аппетиты и открывает иногда перед ними двери муниципальных советов и даже законодательных собраний штата, где они заботятся об интересах своей торговли и продают свои мандаты всем коррупторам.

Таковы лидеры и таковы методы в народных кварталах в «низах города» (down town). В кварталах «верхнего города» (up town), населенного людьми, которые более культурны и живут более обеспечено, как сам лидер, так и избиратели стоят выше подобных методов. Там лидер обычно является вполне приличным человеком. Может быть, он занялся политикой из любви к спорту или из честолюбия. Бывает часто, что он уж не так незаинтересован. Он старается втереться путем своей профессии и посредством своих дел. Конечно, он также «играет в игру», распределяет должности и милости, старается обольстить избирателей, но его деятельность не имеет тех отвратительных черт, как деятельность лидеров, которые работают в глухих кварталах (slums).

## III

Работы лидеров, направленной на низшие слои населения, было бы достаточно для того, чтобы «захватить первичные собрания», чтобы составить конвенты из делегатов, преданных машине, и привлечь к голосованию большие батальоны избирателей. Но существует еще «почетная» часть избирательного корпуса, которая может выявиться в день выборов и оттолкнуть кандидатов машины. Так как обычно кандидаты не происходят из среды более достойных людей, то они и не могут удовлетворять последних. Чтобы навязать всей партии кандидатов машины, часто необходима высшая стратегия и особая тактика, требующая особой изобретательности со стороны самих начальников, самого босса или руководящего ринга. Азбука стратегии машины заключается в том, чтобы перепутать все карты избирательной игры. Для этого на городских выборах никогда не обсуждается вопросов о честности администрации города, о мостовых и о сточных трубах, но о протекционном тарифе, о Кубе и Филиппинах. Городские выборы, о которых идет речь, заранее предопределяют собою результаты выборов штата или даже президентских выборов; разве это подходящий момент для испытания ценности того или другого местного кандидата? Машина состоит из людей, политическая нравственность которых вызывает живую критику? Пусть будет так. Она управляла городом или штатом, как управляет сатрапия. Может быть, это правда. Но разве справедливо обвинять партию в индивидуальных ошибках некоторых из ее работников? Враг близок, и нужно спасать «жизнь партии», этой достойной партии. Кто поднимет на нее руку отцеубийцы? В другой раз ставка бывает еще больше: партия, которой думает служить машина, тождественна с проблемой, от которой вполне зависит ежедневное существование большей части граждан, как, например, покровительство национальной промышленности или денежная единица; развал партии равносилен финансовому краху, за которым последуют анархия и социализм; при таких условиях, что значат люди? Нужно следовать за знаменем. И каждый раз существует такое исключительное положение, которое заставляет голосовать за список партии, каков бы он ни был, голосовать даже за «желтую собаку».

Эта игра, со смешанными картами очень часто дополняется тем фактом, что машина в нее подкидывает фальшивые карты:

она выдвигает кандидатов высокого достоинства, репутация и социальное положение которых заранее, кажется, исключают мысль о том, что они сделаются подчиненными машине; но благодаря слабости их характеров или отсутствию проницательности, они сделаются, без всякого сомнения, послушным орудием в руках искусных руководителей машины, они будут делать то, что хочет машина, и покрывать ее своей почтенностью. Эти подставленные кандидаты обозначаются названием figure-heads (возглавляющие фигуры). Figure-heads является почти классическим персонажем. Его можно встретить во всех сферах политической жизни, где господствует партийная организация: между делегатами конвента и, в особенности, в конвентах штата на важных выборных постах, как, например, мэр, а иногда и в должности губернатора штата.

Другим видом кандидатов, при помощи которых машин играет с избирателями, являются выдуманные кандидаты (dummies, играющие немую роль «болванов» в висте). Опасаясь как бы ее настоящий кандидат не был отвергнут избирателями как недостойный, машина выставляет впереди него другого кандидата, в десять раз еще менее достойного. Эта отвратительная кандидатура, вызывает возмущение человеческого достоинства и, почтительно склоняясь перед общественным мнением, машина смиренно отводит этого кандидата, чтобы поставить на его место того, кого она наметила in petto (в душе). Публика принимает тогда этого последнего, как меньшее из двух зол, с настоящим облегчением, и поздравляет себя с новой демонстрацией полного могущества, свободного мнения демократии, одной манифестации которого достаточно для того, чтобы уничтожить политических пиратов. В высшей степени гнусный кандидат, который сам добровольно стушевался, и является болваном (dummy). Нередко роль этого болвана выполняется машиной соперничающей партии. Если эта последняя недостаточно сильна, чтобы провести свой список, она предпочитает войти в соглашение со своей соперницей и помочь ей выбрать своих кандидатов, чтобы получить в награду часть добычи. Для этой цели она намечает от себя таких кандидатов, которые скорее оттолкнут, чем привлекут избирателей, заранее осуждая их на провал, с тем чтобы лучше укрепить кандидатов машины соперничающей партии. Эти коварные комбинации являются лишь одной из форм, под кото-

рыми происходит объединение враждебных машин, которые вместо того, чтобы бороться, часто находят более выгодным войти в соглашение и заключить сделку (deals): голосами избирателей торгуют (trade), машина демократов дает свои голоса республиканскому кандидату на пост губернатора, взамен чего республиканская машина помогает провести список демократов на городских выборах. Когда разражается громадное движение независимых избирателей «реформаторов», союз двух машин неоднократно старается спасти самый режим машины, систему добыч, которая дает жизнь политикам.

Когда независимые внутри партии становятся слишком угрожающими, машина, на которую нападают, старается наладить «гармонию»: она обращается к ним с горячим призывом о единодушии, расточает обещания, что администрация будет честной, подписывается подо всем, чего от нее хотят в области декларации принципов, программ, лишь бы кандидаты принадлежали машине. В случае надобности она оставляет для сопротивляющихся место в списке, она бросает в виде подачки общественному мнению несколько выборных должностей, которые предоставляются очень почтенным личностям; если есть возможность, она их выбирает среди возглавляющих фигур; если нет, она решительно отказывается от этих должностей. Если народное мнение высказывается с известной твердостью в пользу какой-либо кандидатуры; машина спешит к этому приспособиться. Гибкость, с которой машина старается примениться к обстоятельствам, не имеет границ; она способна для того, чтобы отвлечь общественное мнение, влезть в новую кожу, сделаться совершенно «почтенной» и создать впечатление, что она заботится лишь о народном благе, поднять даже знамя «реформы», двинуться священной войной против коррупции политиков, в особенности, когда эта последняя внедрилась в машину противоположной партии. Все это продолжается ровно столько, сколько нужно, чтобы прошла, гроза; когда народное волнение успокоится, машина вернется к своим прежним методам. Кроме моментов кризиса, она мало беспокоится о том, что думают честные люди, о ее делах и злоупотреблениях; она спекулирует на безразличии и апатии большей массы избирателей. Опыт ее редко обманывает; в моменты затишья она может маневрировать кандидатурами по своему усмотрению и этого достаточно для того, чтобы сделать се хозяйкой

положения. Все дело обмана общественного мнения, которым занята машина, мощно дополняется прессой партии.

## IV

Сознавая, что машина, ведет за собой руководителей выборов, все заинтересованные в выборах волей или неволей признают ее власть. Кандидаты партии первые отдают себе отчет в том, что совершенно невозможно достичь цели помимо машины и еще меньше, находясь в оппозиции к ней. В значительном большинстве случаев огромного количества избирательных расходов и сложности избирательного дела. достаточно для того, чтобы помешать кандидатам в одиночку добиться народных голосов: если искатель не признан машиной партии, от которой он себя предлагает, он должен построить свою машину, как путешественник построил бы железную дорогу для личного употребления. В силу тех же условий, которые нам известны, машина пришла к тому, что обратила, выборы в промысел, эксплуатируемый наподобие других промышленных предприятий, по методу концентрации капитала и работы над сырьем. Так как она может выпускать свой продукт на наилучших условиях, она принимает заказы, она принимает выборы по подряду: если человек хочет сделаться городским советником или членом законодательного собрания, ему надо лишь сговориться с машиной, «повидать» босса и условиться о цене; машина берет на себя остальное. Так как она осуществляет монополию в своей части, она может отклонить предложение без всякого повода, т. е. запретить искателю сделаться кандидатом. С другой стороны, традиция местных кандидатур, исключающая кандидатов, не имеющих места жительства, в данном избирательном округе, мешает искателю, отвергнутому боссом, искать счастья в другом округе. Таким образом, босс имеет неограниченную власть над кандидатами, он может по своему усмотрению открыть или закрыть им двери к политической жизни.

После того как кандидаты уже выбраны, они все еще остаются под властью машины: всякий государственный служащий должен предоставить в распоряжение машины все свое влияние, как-то, которое ему дает его должность, так и то, которое зависит от него лично. Исполнительная власть, и в особенности чиновники, стоящие во главе учреждений, являются первой добычей ма-

шины, так как они в первую очередь располагают тем, чего добивается машина: низшими должностями в государственных учреждениях, которыми она, оплачивает своих henchmen и workers. Руководители учреждений предоставляют ей «патронаж», который доверили им по закону. Городская машина требует от них мэра; машина штата получает от губернатора должности штата; босс штата вырывает у президента Соединенных Штатов назначение на союзные должности своего штата. И каждый из них часто уступает требованиям и настойчивости машины по тем же причинам, которые уже выявились перед нами, при историческом изучении организации партий, в том, что относилось к президенту. Эти же причины еще в большей степени влияют на чиновников низшего ранга. Вот, например, крупный местный чиновник, губернатор штата; он не нуждается, иногда он даже очень богат, миллионер; но его политическая судьба целиком зависит от машины, она его вытащила из «темноты» и если он се покинет, то вернется в ту же «темноту», между тем он имеет еще более честолюбивые стремления, он хотел бы сделаться сенатором Соединенных Штатов или даже он мечтает о Белом доме. Люди машины теснят его со всех сторон, и так как он обычно обладает слабым характером, он быстро сдается, как бы он ни был преисполнен добрыми намерениями. Вглядевшись ближе, мы увидим, что губернатор колеблется между страхом перед общественным мнением и боязнью перед машиной и используется для выполнения заданий то той, то другой стороны. Исполнительная власть осуществляет патронаж не только в пользу машины. Там, где босс «обладает», как говорят, губернатором, он заставляет его налагать свое вето на решения законодательного собрания, препятствующие машине: дать помилование избирательным мошенникам и продажным чиновникам, входящим в состав машины, случайно приговоренным судом, и т. д.

Тем не менее с некоторых пор губернаторы штатов и другие высокие чиновники проявляют большую независимость в отношении машины. Многие из них, начав службу, считают, что они обязаны успокоить общественное мнение, объявив свою независимость от боссов и партийных организаций. Некоторые из них ведут даже ожесточенную борьбу с машинами.

Законодательная власть также предрасположена к тому, чтобы подпасть под власть машины, в особенности законодательные

собрания штатов и муниципальные собрания. В каждом законодательном собрании машина «располагает» известным числом членов, которым она оплатила избирательные расходы; эти преданные души машины составляют ядро, которое быстро растет, благодаря запугиванию и вовлечению в коррупцию тех членов, которые прибыли с чистой совестью. В следующей главе будет показано, как люди организации, действующие хлыстом партийной дисциплины, делаются хозяевами собраний, путем создания законодательного кокуса. Даже непримиримые депутаты подчиняются из боязни того, что предложенные ими законы, в которых особенно заинтересованы их избирательные округа, не будут приняты. Некоторые депутаты позволяют себя покупать. Еще в большем числе другие честные люди, обычно пришедшие из сельских округов, по слабости поддаются влиянию агентов корруптеров, которые им устраивают западни и вовлекают их в пьянство, разгул, азартные игры и т. д. Председатель собрания, который не только председательствует во время прений, но оказывает также очень большое влияние на законодательство, является креатурой машины, назначенной по ее приказанию. По последним сведениям машина является хозяином законодательства. «Власть позади трона больше, чем сам трон» перестает быть метафорой, чтобы сделаться материальной действительностью, как, например, в законодательстве Миссури, где босс имел обыкновение стоять за креслом председателя, спрятавшись за занавеской, откуда он отдавал свои приказания или вносил изменения в обсуждаемые билли. Законодательство, которого требует и вымогает машина в собраниях штата, очень различно: иногда оно касается создания новых должностей, которые надо распределить среди политиков; законных или других выгод для компаний, которые являются поставщиками денег на предприятия политиков; уменьшения обложений этих кампаний; создания монополий в пользу частных лиц.

Машина также вторгается и в городское управление и это даже является главным театром ее деятельности и ее злоупотреблений, как, мы это знаем из исторического очерка системы кокуса. Легче «построить машину» в городе, чем в штате. Добыча там, так сказать, ожидает мародерских боссов и ринги: заключение контрактов, сдача общественных работ, предоставление «льгот», создание синекур в городских учреждениях или, вернее, на бумаге.

И если машина доведена, до совершенства, городские советы подчиняются боссу не менее чем собраниям штатов. Один хорошо известный публицист, который собирал анкету в городе, управляемом боссом, заметил ему с сарказмом: «Конечно, вы имеете мэра, городской совет и судей? – Да, но у меня есть также и телефон», – ответил босс.

Само министерство юстиции не ускользает из-под влияния машины, так как судьи, будучи выборными чиновниками, должны, так же, как и другие, быть занесены в избирательный список (slate). Низшие судьи, мировые судьи, часто набранные среди henchmen'ов машины, обычно являются ее смиренными служителями. Они помогают машине держать в руках большую часть избирателей и, выполняя свои функции, воплощать для народных масс наиболее близкую и наиболее влиятельную после полиции государственную власть. Среди высших судей машина, проявляет наиболее вредное влияние на представителей органов юстиции (prosecuting officers), заставляя их прекращать или приостанавливать, как об этом уже упоминалось, преследования, возбужденные против ее протеже. Судьи высшего разряда, подобранные с большим вниманием, ввиду важности их социальных функций, довольно честно выполняют свою задачу, поскольку не затрагивается «политика»; но в случаях, когда замешаны интересы партии и машины, они способны подпасть под влияние партийных соображений. Босс может отомстить им за их независимость, одного движения бровей босса достаточно, чтобы положить конец самой блестящей, самой достойной юридической карьере; проведя выборы судьи, он считает, «что имеет право, – как сказал босс Таммани, — проводить свои взгляды».

## Глава седьмая
## ПОЛИТИКА И МАШИНА

*(Конец)*

### I

Необычайная власть, которой пользуется машина, власть неслыханная при режиме свободных установлений, в конечном счете, сосредоточена в лице одного человека, босса: каков же этот человек, который пользуется подобной властью? Рассмотрим ближе эту личность, в которой воплощается машина и ее деятельность.

Можно различать два главных типа босса: босс города и босс штата. Тип тот же, различны лишь черты; более грубые у одного, они часто бывают более тонкими у другого. Скромный по происхождению городской босс – это типичный образец человека, «пробивающегося в люди» (self made man). Будучи иностранного, большей частью, ирландского, происхождения, рожденный в большинстве случаев в иммигрантской семье или высадившийся на американскую почву с родителями иммигрантами в очень молодом возрасте, он начинает свою политическую карьеру на улицах большого города продавцом газет, кондуктором трамвая, артистом странствующего цирка или, что еще чаще, мальчиком в винной лавке у земляка ирландца. Там он познает профессиональные тайны политиков (paltics): из разговоров heelers и участковых политиков; там он учится измерять глубину человеческих сердец, благодаря откровенности, которую вызывает щедрое пламя вина и, почувствовав в себе призвание, он вступает в армию heelers'ов. Из repeater (человек, который голосует несколько раз под фальшивым именем) он быстро становится руководителем группы repeaters, а потом лидером избирательной секции. Тем временем он может уже сам подняться и на более высокую ступень социально-экономической лестницы, сделавшись хозяином кабака. Будучи менее счастливым, он найдет средства к существованию и социальное положение в синекуре, предоставленной ему боссами партийной машины в городском управлении.

Усиливая изо дня в день свое влияние, он создает небольшую местную машину; с ее помощью он входит в городской совет, в эту обетованную землю, где течет молоко и мед в виде контрактов на общественные работы и получения поставок с торгов или даже «льгот» или концессий, которых добиваются богатые компании. Становясь лидером округа, он начинает борьбу за поглощение других менее сильных окружных лидеров и в конце концов избавляется от соперников. Вульгарный демагог, он привязывает к себе бедное население и, торгуя его голосами, становится цезарем машины и города. Такая оживленная и в то же время столь «трудовая» карьера иногда бывает прерываема более драматическими событиями, как, например, уголовным преследованием с обвинением в убийстве, или менее важным столкновением с правосудием, которое может внезапно и как бы случайно пробудиться; и

тогда, так же, как его знаменитый предок Твид, он забудет невзгоды власти в спокойном уединении тюрьмы.

Босс штата обыкновенно американского происхождения. Его карьера обычно более почтенна, и в то же время в некоторых случаях его прошлое очень выигрывало бы, если бы его не «вскрывали». Войдя молодым в «политику», будущий босс штата медленно творит свою карьеру теми же приемами, как и босс низшего разряда. Работая под начальством крупного босса, выполняя его поручения во всех частях штата, он связывается с местными политиками, изучает их сильные и слабые стороны и распознает выгоду, которую он может получить от каждого из них. С более сильными он заключает наступательные или оборонительные союзы. Сильный этой дружбой и поддержкой, частью основанных на материальных интересах, частью же окрашенных личной привязанностью, он выдвигает себя, как обладатель союзного патронажа, и счастливо спекулирует на этих фондах, он постепенно достигает того, что включает в сферу своего влияния весь штат в целом. Эта блестящая карьера человека, пришедшего с низов для того, чтобы сделаться руководителем управления большого города или штата, не занимая обыкновенно никакого официального положения, – является, с начала до конца, триумфом высшей способности: уменья управлять людьми. Неизбежно обладая недостаточной суммой благ, которые он мог бы предоставить бесчисленным вожделениям, он специализируется на гениальном распределении «хлебов», деля его на правильные части и точно распределяя куски, которые он должен предложить каждому. Одним он дает выгодное пастбище мест, должностей, денег и влияния, другим тощую пищу обещаний. Как в шахматы, он играет на, нуждах и аппетитах, на легковерии и тщеславии.

Приспособленный для этой игры, глубоко расчетливый, холодный, неспособный уступить под впечатлением момента, но очень способный принимать быстрые и смелые решения для того, чтобы справляться с тяжелым положением, – таков обычный «ум» босса штата, ум, который является отличительной чертой этой породы. Но личные качества, боссов могут быть различными: бывают боссы грубые, дерзкие, резкие; и бывают боссы любезные и даже «обольстительные» или «магнетические». Но их приветливость никогда не доходит до экспансивности; босс

обыкновенно сдержан, всегда собирается с мыслями. Этому Мольтке партийной машины легче быть молчаливым, потому что он не владеет шестью языками, со знанием которыми умел молчать великий руководитель немецкого генерального штаба; часто босс не знает даже своего родного языка, он не умеет правильно ни говорить, ни писать по-английски. В действительности образование, полученное боссом, очень ничтожно. Между тем, благодаря восприимчивости и упорной энергии, которая характеризует американца, многие боссы, в особенности среди тех, которые поднялись до положения босса штата, приобретают не только лоск этикета и манер, но умеют даже маскировать пробелы своего очень недостаточного первоначального образования. Как культурный, так и некультурный босс является человеком выдающегося, но совершенно особого ума, проявляющегося в очень тонкой оценке существующего положения. Он не способен воспринять принципов; ему чужды политические идеи: у него их нет, и он в них не нуждается. Они не служат ему компасом, его курсом управляет ветер случайных обстоятельств и личных комбинаций. Он не способен дать объяснения проблемам дня. Он ни писатель, ни оратор, ни даже хороший рассказчик, на трибуне он казался жалкой фигурой. Оппортунизм, приспособляемость, воплощением которых является босс, запрещают ему риск инициативы; он предпочитает оставаться в тени общественного мнения. Неспособный содействовать движению идей, он понимает их с трудом и воспринимает общественное мнение лишь в его, так сказать, кристаллизованном состоянии; стремления и порывы общественного мнения от него ускользают, а возмущения общественного мнения застают его врасплох. Наблюдая и детально оценивая человека, со всех его сторон, босс не способен оценить моральные силы человеческой натуры; глубокий знаток людей он не понимает человека. Он никогда не доверяет политической добродетели и сознательности гражданина вообще; он не представляет себе, чтобы эти качества могли существовать; лучше всего он усваивает слабости человека. Некоторые моральные достоинства политика, которыми он обладает, также сужены в своем проявлении: он предан своим друзьям до самопожертвования; он является человеком слова лишь настолько, насколько дело касается определенного человека; если он обещал должности или какие-либо одолжения, он относится к этим обещаниям, как к

святыне; но, обещав реформы накануне выборов, он завтра смеется над ними. Смелость и самоуверенность, которые характеризуют его действия, покидают его в области идей: сделавшись вдруг боязливым, он прислушивается исподтишка к общественному мнению, чтобы знать, может ли он на что-либо решиться, с тем, чтобы потом в этом не раскаиваться.

Методы босса в точности соответствуют его уму: он не любит дискуссий, столкновения идей; это человек затаенных действии. Он избегает света, его сферой являются интриги и он владеет ими артистически. Он устраивает все по секрету, он помалкивает и заставляет молчать своих помощников до того момента, когда нужно предстать перед публикой. Но, работая в тени, босс не прячется, он проявляет свою власть на виду у всех. Пресса не разоблачает его, хотя его личность его дела, его поведение и его мнимые проекты являются предметом постоянного обсуждения. Такая огласка вообще ему совсем не неприятна: с ним обращаются, как с большим государственным человеком. Нужно прибавить, что публика также находит прелесть, мелодраматическую прелесть, следя за делами и поведением босса. Последний представляется ей по описанию в газетах, которые не имеют привычки щадить для босса красок, и сравнений, например Мефистофелем, сменяемым Калиостро, имеющим в своем мешке бесконечное множество фокусов. Что вытащит из мешка босс, что он будет делать, что он только что сделал – это все вопросы и гипотезы, которые помогают рассеять монотонность американской жизни. Будет справедливо признать, что любопытство является единственным чувством, которое создает боссу весьма естественную популярность. Это человек, который, выйдя из небытия, оказался на верху величия, поражает воображение американцев и льстит ему. Он признается руководителем людей. Он вызывает в них восхищение, как конквистадор, завоевывающий царства и складывающий их в свой мешок. Даже культурные люди и люди высокой честности часто не могут сопротивляться этому чувству восхищения перед любимцами судьбы, честными людьми или пиратами, которых не мало в Новом свете. Порой кажется даже, что они гордятся своими боссами.

Как общее правило, босс не прилагает много усилий для испытания своей популярности при народном голосовании, он часто не добивается избирательных функций для себя самого. Иногда во-

пиющая необразованность его мешает ему занять видную должность; но чаще всего он не хочет рисковать своей репутацией манипулятора и торговца избирательным материалом, в то время как, оставаясь за кулисами, он может спокойно дергать за веревочки и заставлять выбирать людей, которые ему подходят. Босс штата с удовольствием принимает назначение в сенат Соединенных Штатов и именно потому, что он может более легко достичь этого поста посредством интриг и коррупции; сенаторы выбираются не путем всеобщего голосования, а законодательным собранием штата, где босс часто является хозяином. Во всяком случае, босс проявляет свою власть не на государственных должностях. Его власть по своей природе является скрытой и безответственной.

Босс извлекает также из своего положения большие личные выгоды как материальные, так и моральные. Первые более значительны: он «делает деньги» и часто, он составляет капитал. Для босса города это является большим и единственным делом. Откуда появляются деньги? Во-первых, босс единолично распоряжается фондами партии. За этим следуют взятки, даваемые крупными предпринимателями общественных работ одолжения от городских властей. Наконец, босс коммерчески эксплуатирует pulls, которыми он обладает над представителями государственной власти, обеспечивая доходную клиентуру коммерсантам и адвокатам и в вознаграждение за это участвуя в прибылях. Справедливо отметить, что если доходы босса значительны, то также велики и его общие расходы; босс <...> должен много тратить, чтобы поддержать свое политическое положение и чтобы содержать свою машину. Иногда босс отдает ей все свои доходы и не может разбогатеть путем «политики». «Незаинтересованный» босс делает «политику» вкуса ради: его страстью является «политика», т. е. не политические проблемы, в прямом смысле этого слова, но интриги, комбинации и политические сплетни отдельных личностей. Вот такой «политикой» он наслаждается. Любовь к власти, удовлетворение автократа, который поднимает и снижает людей в зависимости от своего доброго желания, является самым основным двигателем его действий; он пользуется этой властью за кулисами и на сцене. Политики его обожают, как короля. Он устраивает приемы даже в своих летних резиденциях; многочисленные просители должностей ожидают там своей участи, зависящей от кивка его головы.

Главные помощники босса живут с ним в тесной связи, но в их отношениях всегда существует оттенок большей или меньшей почтительности; они носят характер взаимоотношений между верховным владыкой и его вассалами. Между тем, среди этих вассалов встречаются власть имущие, с которыми начальник должен считаться, как король Франции считался с герцогом Бургундским, с герцогом Нормандским и с графом Фландрским. От этого обязательства не избавлен даже такой влиятельный босс, как руководитель Таммани; среди его окружных лидеров встречаются люди, которые не зависят от босса ни в отношении заработка, ни в отношении своего положения, которые делают «политику» по своему вкусу и честолюбию, которые проявляют в своих округах неоспоримую личную власть и которые имеют многочисленных вассалов и преданных им людей. Босс штата, даже такой могущественный, как босс республиканцев в Пенсильвании, находится в зависимости от предприятий некоторых своих подчиненных, охваченных желанием устроиться «за свой счет». Бывает иногда открытая борьба, когда, крупный босс состязается со своими непокорными вассалами, как Людовик XI с Карлом Смелым, но, в конце концов, он мирится с ними. Когда можно, он без раздумья подавляет возмущение своей властью или при помощи коррупции; он смещает виновного или подозреваемого в неверности окружного лидера; или же он подрывает его положение в районе, подкупая первичные собрания деньгами, чтобы помешать «мятежнику приобрести делегатов», без которых последний ничего не сможет сделать. Чтобы покрыть эти чрезвычайные расходы, босс вымогает деньги у корпораций и у финансовых компаний совершенно так же (это еще черта сходства с феодальными правами), как средневековый король вымогал средства у буржуа, торговых людей своих добрых городов, для того чтобы идти войной на восставшего вассала.

Таков босс в своей общественной роли. Иногда он бывает исключительно честным, его семейная жизнь часто безукоризненна, он может вести свою торговлю, аккуратно выполнять обряды религии, иметь свою скамью в церкви. Такая же характеристика будет правильной и в отношении подчиненных политиков. Маленький или большой политик принимает совершенно просто, не отдавая себе, может быть, в этом отчета доктрину двух моралей, одну для частной жизни и другую для общественной.

В последние годы появились благородные политические деятели, которые, употребляя методы боссов для того, чтобы установить и поддержать свое влияние, используют свою масть, с большей иди меньшей незаинтересованностью, для народного блага. Люди характера и идей, с возвышенными и широкими политическими взглядами, они, казалось, создали новый тип босса, который оттеснял на задний план классический тип босса. Тем не менее образцы нового типа этих белых ворон не достаточно многочисленны, чтобы установить новую породу. Политики, о которых идет речь, являются просто исключительными личностями, но было бы преждевременно говорить о «новой игре», начавшейся в «практической политике». Перемена, которая уже достигнута, заключается в следующем: резко выраженные черты босса, которые только что здесь представлены читателю, в действительности стали менее заметными.

## II

Власть, которой босс так широко и глубоко пользуется, тем не менее, далека от того, чтобы оказать влияние на всю политическую жизнь. Подобно тиранам греческих городов или итальянских республик, босс не стремится установить свою власть в городе в целом. Все его предприятия, касающиеся общественной жизни, сводятся к тому, чтобы устроить выборы по своему усмотрению, определить всех своих сторонников на должности и изгнать всех своих врагов; протежировать первым, обезвредить вторых, используя материальные выгоды, присвоенные этим должностям, и влияние, которое они доставляют. Если он «наказывает своих врагов», если он провоцирует измену, то он это делает единственно для защиты самого себя; он совершенно оставляет в покое граждан, которые не вмешиваются в эту борьбу. Если он бывает часто деспотом, то он скорее делается им по необходимости, по ремеслу, чем по своему желанию. Он желает, наоборот, приобрести себе возможно больше друзей и всем нравиться, так как каков бы ни был источник его власти, материальную ее сущность составляет количество голосов, отдаваемых его кандидатам. Вполне интеллигентный босс никогда не может быть беспричинно высокомерным и деспотичным; он проявляет свою власть тирана с умеренностью и добродушием. К тому же в

этом нет больших заслуг с его стороны. Если бы он захотел пойти дальше, то натолкнулся бы на права, предоставленные гражданам. Недостаточно того, чтобы босс командовал исполнительной и законодательной властью, так как этим последним еще не все доступно. Американская конституция обеспечила защиту основных прав человека и гражданина от притеснений, поставив их под охрану верховного правосудия, которое может, внеконституционным способом, изменять не только административные акты; но даже сами законы; все правосудие же в целом еще не находится под ударом босса.

Областью, наиболее подверженной предприятиям машины является городское управление, вследствие его крупных средств, представляющих собой богатый материал для грабежа и находящихся, так сказать, под рукой. Финансы города, над которым господствует машина босса, всегда, тяжело обречены бесполезными или преувеличенными расходами. Учреждения всегда переполнены значительным числом синекур, которые не имеют другой цели, как предоставить работникам машины возможность числиться на бюджете; выгодные общественные работы сдаются с торгов по безумным ценам; эксплуатация городского хозяйства отдается концессионерам ни за что на смехотворных условиях. Однако бывает часто, что средства, городов, которые еще не захвачены машиной, расходуются не с большей экономией. Растраты, практикуемые боссами, вознаграждаются до некоторой степени лучшим и более ответственным администрированием городскими департаментами, которое обязано тому факту, что члены советов этих городов и их служащие более дисциплинированы. Машина, намечающая всех кандидатов на государственные должности и превращающая их в послушные орудия, заботится в своих собственных интересах о том, чтобы сделать возможно лучший выбор и, раз выдвинув их, она заботится о том, чтобы они ее не скомпрометировали. Вместо того чтобы отвечать перед народом, они ответственны перед машиной; хотя ответственность и изменилась, но она все же осталась реальной и тем более реальной, что власть машины более централизована, более персональна и более непосредственна. Кроме того, масса мелких служащих не бесчестна; они получают свои места из рук машины, чтобы обеспечить себе скромный заработок. И, выполнив первую обязанность своего долга, который заключается в обслуживании

машины, когда налог на их время, на их усилия, на их совесть ими внесен, они честно отдают остальное народу. Городская администрация, управляемая наиболее коррумпированной машиной – я имею в виду Таммани-холл – представляет поражающую демонстрацию этого состояния вещей.

Из всех государственных учреждений больших городов наиболее оскверненной машиной боссов является полиция, помощь которой для них особенно ценна. Полиция полна «политики». Она защищает подлоги, учиненные на первичных собраниях и выборах сторонниками машины; она притесняет ее врагов, предъявляющих свои права избирателей; она закрывает глаза на кабаки, нарушающие права, на игорные дома и на дебоши, за которые платят подать машине. Но помимо этого полиция исполняет свои обязанности и исполняет их в общем довольно хорошо. Другие городские учреждения также заражены «политикой», но в меньшей степени. Машина ищет в этих учреждениях материала для добычи: мест, контрактов и т. д. Она использует для этой цели иногда пожарные команды, иногда госпитали, иногда школьные советы, вводя в них в качестве вознаграждения политических работников, которым не было возможности дать что-нибудь лучшее. Но как бы ни была удовлетворительна в своем целом администрация городов, управляемых машиной, настолько прилична и честна, что служащие даже не заражены рутиной, все же дух, царящий в администрации, является отсталым и лишен вдохновения и размаха.

Деятельность законодательных собраний также не вполне осквернена машиной. Законодательные собрания штатов, которые вотируют законы по приказанию босса, чтобы увеличить его возможности патронажа или чтобы предоставить привилегии или монополии компаниям, находящимся в союзе с боссом, вотируют также хорошие законы, законы, полезные для народа. Добиться подобных законов даже легче с помощью босса. Вместо того чтобы агитировать и оказывать давление на мнение часто тяжелых на подъем членов законодательного собрания, лучше обратиться к боссу; этот последний отдаст приказание и закон пройдет, как письмо по почте. В этих случаях режим босса представляет выгоды системы «просвещенного деспотизма». Босс использует также свою власть, чтобы отклонить вредные попытки: в законодательстве, исходящие от некоторых членов законода-

тельных собраний: они хотели бы заставить богатые компании плясать под их дудку, путем симуляций биллей, направленных против этих компаний; но если эти компании пользуются заранее сплоченной протекцией босса, он делает знак и автор билля исчезает, как ученик, пойманный на месте преступления. Босс с таким же успехом может остановить прохождение; хорошего мероприятия, проводимого «независимым», т. е. упорным в глазах босса членом. Таким образом, в штате так же, как и в городе, босс действует, как дисциплинирующая сила, как для блага, так и во вред.

Пользуясь не только узурпаторской, но и безответственной властью, босс может всегда нарушить пределы сдержанности. Как и всякому самодержцу, неограниченная власть, рано или поздно, может вскружить голову; он делается самовольным, заносчивым и деспотичным; он переходит границы той развязности, с которой он или его люди располагают по своему усмотрению государственными средствами. Наконец народному терпению наступает конец, разражается возмущение, и машина «разлетается вдребезги». Судьба всякой машины подобна судьбе разбойника, который кончает свое существование на эшафоте. Это лишь вопрос времени. Но как повешение калабрского или абруццкого бандита совсем не мешает тому, чтобы в горах, являющихся театром его подвигов, у него тотчас же появился последователь, так же «разлетевшаяся вдребезги» машина в короткое время перестраивается тем же или другим боссом с тем, чтобы его в свою очередь постигла участь его предшественников. Этот режим в некоторых отношениях подобен тому, который некогда был охарактеризован словами: «деспотизм, смягченный убийством». Здесь убийство является лишь символическим, так как свободные установления позволяют произвести революцию совершенно мирным путем, простой игрой в избирательные бюллетени. Американскому народу стоит лишь, по выражению оратора трибуны, «подняться в своем могуществе и величии», и все вернется к порядку. В действительности он поднимется меньше в своем «величии», чем в своем гневе. Бесстрастный и апатичный в течение долгого времени, он поднимается вдруг в пароксизме гнева, бьет без жалости и без разбора: виновные и невинные, все одинаково хороши для того, чтобы произвести гекатомбу, которая ему нужна. Власть общественного мнения, которая, казалось, должна господствовать и в действительности господствует в Соединен-

ных Штатах над всеми и над всем, добирается наконец до политиков, однако настигая их скорее случайным путем, исключающим всякую регулярную ответственность. Власть, которую общественное мнение распространяет на машину, является властью суда Линча.

Почтительность и покорность, которые машина видит себя обязанной высказывать в отношении общественного мнения, граничат, следовательно, с риском пробудить спящего в народе Линча. Она оказывает, конечно, большое внимание общественному мнению, она внимательно наблюдает за состоянием умов, и в случаях, когда возможно дать удовлетворение общественному мнению, если это ей недорого обходится, машина делает это с поспешностью. Но часто это для нее невозможно, т. е. если бы она всегда уважала интересы народа, она разрушила бы свое собственное благополучие. Боссы соглашаются лишь с очевидностью. Чаще же машина все-таки частично рискует и только после того, как ее побьют, она делается умнее. Она тогда дает великолепных кандидатов на выборах, делается незаменимой, скромной, культивирует добродетель, пока он вновь не удастся усыпить общественное мнение. Ответственные члены партии, богатые люди, которые из лойялизма к партии вносят ее машине крупные средства по подписке в фонд избирательных кампаний, действуют в качестве узды на боссов, когда дело идет о важных кандидатурах. Гораздо более действительно в качестве узды на машину действует машина соперничающей партии: в случаях, когда обе партии находятся в равновесии, небольшое число добрых граждан может способствовать победе той или другой из них, и тогда обе машины заняты тем, что взапуски ищут расположения этих независимых избирателей, составляя свои избирательные списки из имен настолько почтенных, насколько это допускает коммерция машины. Это вмешательство независимых избирателей является коррективом к злодеяниям машины, который часто становится важным и действительным.

Наиболее значительные ограничения, которые встречает власть машины и политиков, исходят от экономического и социального характера среды. Там, где население более однородно и менее густо, где общественное мнение, следовательно, обладает большим постоянством и утверждается с большой силой, машина не может себе позволить того, что она себе позволяет в больших городах, где народное сознание подавлено колоссальным

скоплением разнородных элементов, собранных в общую кучу. Дела машины ускользают так легко от внимания публики, и в силу необходимости она более осторожна и более скромна в своих вожделениях. Там, где нельзя получить значительных городских работ, заключить крупные договора и где нет могущественных компаний, интересы которых зависят от администрации или законодательства, одним словом, там, где материал для грабежа не достаточен, машина в силу необходимости должна быть воздержанной. Таким образом, частями Союза, наименее оскверненными машиной и политиками, являются сельские округа. Преимущественно земледельческий Юг, где мало крупных городов, не является достаточно благоприятной почвой для развития машины. Исключая два крупных города, Новый Орлеан и Луизвилль, гнусный тип босса совсем не встречается на Юге. На, Западе машина процветает в большей степени, проявляя бесконечные вариации в распространении своей власти и своих злоупотреблений. Главный очаг машины и босса находится в восточных штатах, богатых и населенных, где социальная дифференциация сделала большие успехи. Если соединить все части союза, где машина находится у власти, это составит лишь часть страны, но эта часть будет содержать в себе почти треть населения Соединенных Штатов и сосредоточивать, по крайней мере, 3/5 их экономических интересов.

С другой стороны, благодаря моральному подъему, происшедшему в последние годы во всей стране, о чем будет еще упомянуто, власть машины ослабела, и если боссы все еще существуют, то все же они совершают своп дела с меньшим презрением к стыдливости, с большим уважением или, верное опасением, в отношении общественного мнения. Медленно, но верно, машина преобразовывается. Она ставит на государственные должности лучших людей; ее способы эксплуатации народного достояния менее грубы; случаи открытого расхищения народных денег более редки. Общественное мнение этого больше не терпит, как во времена Твида.

## III

Но почему же власть машины, даже ограниченная и ослабленная, тем не менее, существует? Почему ее терпят при полном развитии демократии?

Многочисленные элементы ответа, на этот вопрос были уже выявлены, и теперь лишь остается более методично подвести итог. Первым условием существования и успеха машины является, разумеется, необычайное развитие выборного режима и партийной системы, которая создала потребность в чрезвычайно сложной избирательной механике, пускаемой в ход специалистами. Но почему эти специалисты должны быть из породы боссов, и как произошло, что они так крепко завладели: государственными делами и эксплуатируют их с такой легкостью? Наиболее общее объяснение, которое этому дается, заключается в том, что машина располагает обширным патронажем или что она живет за счет богатых корпораций и что, если бы она не имела ни того, ни другого из этих источников или обоих вместе, она погибла бы от истощения. Но такое объяснение правильно лишь отчасти, оно относится лишь к материальным источникам. Последние действительно очень значительны: места в государственных учреждениях или надежда на, их получение; подати, контрибуции, уплачиваемые кандидатами, известное число процентов, вносимое чиновниками; контрибуции, вносимые в фонды машины частными лицами, богатыми ревнителями партии и, в особенности, контрибуции, которые вносятся финансовыми или промышленными компаниями.

Но еще более крупными являются моральные сокровища, которыми располагает машина и которые заключаются в сознательной или бессознательной поддержке со стороны различных элементов общества. Машина существует и функционирует в полном согласии с их волей и никогда не идет против них. Первый из этих социальных элементов, на который опирается машина, состоит из ее собственных служащих и наиболее близких сторонников той социальной категории, которую обыкновенно обозначают именем «элемент машины». Эти люди работают для машины так, как если бы они работали для промышленника или коммерсанта, для всякого, кто мог бы ими располагать. Они честно зарабатывают на «практической политике», т. к. они тратят свои усилия днем и ночью. Работа эта может быть и не совсем чистоплотна; но ведь существует же столько занятий, которые требуют отвратительных манипуляций; всякое занятие имеет свои приемы и «практическая политика» имеет также свои. Происхождение заработка, заключающегося в «добыче», также не со-

держит в себе ничего оскорбительного и является естественным. Когда бог, после того, как он создал два больших светила дня и ночи, создал две крупные политические партии, он приказал им разделить между собой государственные функции. Не справедливо ли также то, что должности предоставляются людям, которые «работают» для партии и только им. Следуя именно подобным рассуждениям, люди машины рассматривают независимых членов партии, борющихся против машины, как ненавистных и презренных; эти граждане не только мешают им зарабатывать на жизнь, но стараются также, объявляя себя рыцарями чести, захватить должности, не «делая работы» для партии; это лицемеры, полные humbug and cant (обмана и лицемерия). В лучшем случае это лишь законоучители, профессора колледжей, созерцатели звезд, т. к. правительство вне партий, составляющее их мечту, является идеей настолько же абсурдной, насколько и зловредной. Такое прямодушие оправдывает поведение и возбуждает рвение наемных политиков.

Помимо этой категории своих сторонников, машина, в первую очередь, располагает народными массами. Преступные, полупреступные и всякого рода деклассированные элементы, которыми кишат большие города, приобретаются машиной, потому, что она их покупает за наличные или защищает их против закона.

Более почтенная народная прослойка, имеющая, однако, лишь временные средства к существованию и составляющая армию безработных, находит также помощь у представителей машины; режим боссов с убыточным управлением городов, которыми они руководят, приносит пользу целой массе мелких людей. Филантропия и другие хорошие приемы, которыми пользуются политики, привязывают к ним сердца народа. Можно объявить боссов народными врагами, разоблачить коррупцию режима машины, но народ ответит: «Это достаточно хорошо для нас». Действительно, он не видит зла, совершаемого политиками, он знает лишь их любезность и их щедрость. Босс Твид, совершивший чудовищные растраты, посаженный в тюрьму, ничего не потерял в уважении и в восхищении, которыми он пользовался в глазах черни Нью-Йорка, она была убеждена в том, что Твид, который был так добр к бедным людям, стал жертвой злодеяний богачей. Машина облегчает им не только их материальную нужду,

но также и моральную. Лидеры машины обладают ласковыми словами для наиболее скромных жителей своего округа; они принимают участие в их радостях и в их горестях; они находят симпатичную улыбку даже для «ничтожных и паршивых»; на самые несчастные души они бросают луч человеческой солидарности. Они это делают автоматически, по профессии в отношении всех без разбора; но они являются как бы служителями культа братства и стоят ступенью выше, чем священнослужители церквей и профессиональные филантропы; они ближе к народу, они дружески ежедневно встречаются с ним, и народ им верит. Они дают народу лишь подделку солидарности и любви к ближнему, но если он принимает это так радушно, то лишь потому, что искренние проявления очень редки и неудовлетворительны и неравномерно распределены в нынешнем обществе. Людей, находящихся в лучших условиях, которые «спускаются в народ», как с Луны, чтобы убеждать его голосовать в пользу честных кандидатов, оппозиционных в отношении к машине, он не знает и им не доверяет, так как они принадлежат к другому социальному слою.

Это происходит не потому, что избиратель предпочитает коррумпированного человека; он хочет добра не менее пылко, чем тот господин в «лайковых перчатках», который приходит проповедовать ему политическую чистоту; его инстинкты ведут его не менее настоятельно к тому, что честно, и к тому, что справедливо, но он расценивает честность и справедливость по-своему. По его мнению, человек, который не делает зла своему соседу, а который ему делает добро, не может также причинить зла обществу и городскому управлению. Народный избиратель еще оценивает всякое положение при помощи критерия частной морали и не способен подняться до морали социальной. Сознательность масс также не предохраняет их от притягательной силы машины. Нужны очень большие усилия для того, чтобы понимать и разрешать выдвигающиеся политические проблемы. Народные умы прекрасно воспринимают рассуждения; здоровый язык находит в них свое эхо; но нужно, чтобы вопросы были хорошо разграничены и ясно поставлены. Поскольку проблема понята, народный избиратель способен проявить гражданское сознание так же, как и всякий другой. Но очень трудно достучаться до него и вызвать в нем доверчивую сознательность к вопросам, приходящим извне; социальная дифференциация, которая развивается в Соеди-

ненных Штатах, также как в странах Старого света, создает барьер между народом и культурными людьми и все более и более усиливает антагонизм между классами, мешающий общему делу.

Существует специальная и очень обширная категория таких темных избирателей, которая создает у многих убеждение в том, что хоральная несознательность и невежество этих избирателей используются их руководителями в качестве главной поддержки машины. Это «иностранный элемент», т. е. иммигранты. Явившись из стран с более отсталыми политическими установлениями, где они жили среди вырождения и нищеты, неспособные усвоить сразу нравы и дух американской демократии, эти иностранцы, число которых насчитывается миллионами, немедленно приобретая права американского гражданства, делаются лишь орудием политической деморализации. Однако почти все сознательные люди американского и иногда даже староамериканского происхождения, с которыми я имел возможность говорить как на Востоке, так и на Западе, настойчиво и иногда даже с большим возбуждением возражали против этого положения. Некоторые из них указывали даже на то, что второе поколение иностранных иммигрантов является надеждой страны. Правда, недавно натурализованные граждане в большинстве случаев неграмотны, но пропорция неграмотных избирателей американского происхождения также не менее велика. Бедных иммигрантов легко купить, но бедные коренные жители также поддаются этому соблазну и даже не только бедные. Я уже имел случай заметить, что избирательная коррупция процветает даже в сельских округах Новой Англии между обеспеченными фермерами, происходящими из пуритан. Многие иностранцы представляют в своем целом великолепные гражданские элементы, как, например, скандинавы и немцы. Даже евреи, избежавшие гетто Восточной Европы, обещают восстановить на американской почве свои гражданские достоинства. Подводя общий итог, оказывается, что иммигранты несколько усложняют задачу демократического управления, но затруднения эти являются лишь временными и относительными. Молодое поколение ассимилируется с замечательной быстротой. Движение, имевшее место в последние годы, против иммиграции в этой стране, всегда открывавшей объятия угнетенным и оскорбленным всего мира, в меньшей степени оправдывается фактами, чем расчетами политиков, которые для того, чтобы показать себя

с хорошей стороны, спекулируют на предубеждении грубого национализма, зависти и ревности, вызываемых заграничной конкуренцией в некоторых слоях рабочих. Один образованный американец резюмировал весь вопрос в следующих словах: «Нам угрожает опасность не от осквернения нас иностранцами, но от пренебрежения теми идеалами, которыми живет самоуправление и без которых оно погибает».

## IV

Естественный хранитель этих идеалов, общественный класс, возвышающийся над народными массами своей просвещенностью и своим богатством, не сумел выполнить своей миссии. Этот класс, который называется в Соединенных штатах «лучшим элементом», потому что он находится в лучших материальных условиях, предоставляет общественное дело его собственной судьбе. Его отречение обязано многим причинам, которые, однако, все сводятся к чрезвычайно материалистическому духу, которым преисполнены состоятельные и богатые классы. Объединяясь вокруг одной и той же исключительной заботы «делать деньги», этот класс измеряет всякое положение вещей с помощью единственного критерия: приносит ли это доход? Он находит, что политика, «не приносит дохода», что не стоит пренебрегать своими делами, чтобы заниматься общественностью, и что более выгодно переносить грабеж машины, чем тратить свое время на борьбу с боссами, в особенности, если они соблюдают известные границы. Многие члены «лучшего элемента» мнят себя «слишком хорошими» для политики, она ниже их, она слишком «вульгарна». Они думают, что выполняют свою гражданскую обязанность, когда идут в день выборов опускать в урну список партии; многие же вообще совсем уклоняются от этого. Наиболее «патриотичные» подписываются на фонд партии, но отказываются предоставить в ее распоряжение свою собственную персону и тратить на нее свое время и свои усилия. Кроме того, фетишизм партии, который господствует над умами, заставляет многих весьма почтенных избирателей закрывать глаза на преступления машины; они очень искренно верят, что противоположная партия является очагом коррупции и что их партия совершенно честна. Другие же, более проницательные, ропщут, но опасаются противиться машине на

выборах, убеждая себя в том, что «жизнь» партии в опасности и что не время выискивать проступки некоторых представителей организации.

Дух боязливого консерватизма, которым отличается большинство членов «лучшего элемента», заставляет их опасаться неописуемых катастроф, в случае если они выйдут из партийной колеи. Избиратели с философским уклоном мыслей прикрываются тем принципом, что американское правительство является партийным правительством, что партии не могут существовать без организации и что, признавая это, надо платить дань организации. Они хотят видеть в боссе лишь организатора победы их партии и не видят в нем коррупционера республики. Другие, более осторожные, избиратели удерживаются самолюбием, боясь подвергнуться упреку, которым более всего деквалифицирует человека на американской почве: быть мало практичным, быть похожим на профессора колледжа, который невинно воображает, что можно участвовать в политике вне своей партии. Некоторые избиратели проявляют даже такую независимость, что говорят о партии с развязной циничностью, однако, когда подходит время выборов, будучи рабами привычки, они не могут даже решиться вычеркнуть из партийного списка нежелательных кандидатов. Наконец другие и очень многочисленные избиратели находятся в счастливом неведении всего того, что происходит в партии, о всех политических скандалах и злоупотреблениях политиков. Они не читают газет, не обращают внимания даже на самые благонамеренные разоблачения, направляемые прессой против машины и против боссов; пресса по своей собственной вине потеряла доверие публики. Рассуждая каждый по-своему, или не рассуждая вовсе, эти избиратели «лучшего элемента» все кончают тем, что голосуют за «желтую собаку», выдвинутую машиной.

Значительная часть этого класса делает это просто из личного интереса. Это уже не бессознательное или полусознательное попустительство невежественных избирателей, озабоченных своим ежедневным куском хлеба, это холодный расчет людей, которые добиваются благ, находящихся во власти машины. С ее помощью они могут добиться большего успеха в своих коммерческих делах так же, как и в области свободных профессий, и достигнуть тех почестей, которые являются в равноправном обществе Соединенных Штатов непреодолимой приманкой для множества лю-

дей. Нельзя себе представить, как много людей стремится «сделаться чем-нибудь», добиться государственной должности, хотя бы на короткое время, либо ради самой этой должности, либо для того, чтобы воспользоваться ею, как переходной ступенью. Адвокаты поддерживают дружбу с боссами и не останавливаются перед вступлением в Таммани-холл в надежде на какое-нибудь положение: адвоката, города, прокурора, судьи, положение, которое дает известность в обществе и может увеличить клиентуру на случай, если придется вернуться к своей прежней свободной профессии. Вполне почтенные и образованные люди, рассчитывающие на государственную службу, доброжелательно относятся к машине: они мечтают о выдвижении в кандидаты. Представители корпораций усердно платят свою дань, как «плату за мир», считая, что они должны, прежде всего, думать об интересах своих акционеров.

Те, которые не сдерживаются тем, что они рассматривают как свою обязанность или свой интерес, покорно сдаются без борьбы и протеста, по простой привычке или апатии. Традиция, которая поставила в такое выгодное положение режим машины, была нарушена серьезным образом лишь в последнее время с момента морального подъема, упомянутого выше. Но на долго ли? Непоколебимый оптимизм, являющийся одной из существенных черт американского характера, удовлетворяется тем, что, столкнувшись с беспорядками, вызванными машиной в политической жизни, говорит: «Это устроится» или иначе: «С американцами все устраивается». Его не выводят из терпения даже картины материальных опустошений, производимых политиками, и он довольствуется тем, что говорит: «Мы можем это перенести, «эту» страну нельзя довести до разорения». Что же касается злоупотреблений машины, рассматриваемых с моральной точки зрения, также нет надобности волноваться: они лишь указывают на слабость человеческой натуры; без сомнения люди не ангелы: «такова человеческая натура, чего же вы хотите»[1].

[1] По поводу этого аргумента относительно человеческой натуры, приводимого так часто и так снисходительно представителями «лучшего элемента», быть может, уместно привести выдержку из одного американского юмористического журнала: «*Томми*. "Папа, что такое человеческая натура?" *Г-н Фигг*. "Человеческая натура, мой сын, это оправдание, которое обычно приводит человек, который поступил как свинья"».

Или же еще многие граждане, хорошо обо всем осведомленные, решительно закрывают глаза и затыкают себе уши, отрицая очевидность. Можно подумать, что утомленные постоянным лицезрением боссов, они в одно прекрасное утро решили перестать верить в реальность такого порядка и сказали себе, что это только фантасмагория, которой лишь поддаются расстроенные умы и легковерные иностранцы. Наконец, когда эти граждане, кичащиеся своей дальновидностью. оказываются прижатыми к стене и вынужденными признать, что боссы не совсем мифические существа, они объявляют, что боссизм является венцом всего управления, и что без босса был бы хаос.

Вот слова, которые завершают всякую дискуссию и которые выражают интимные чувства членов лучшего элемента: босс управляет за них, он их избавляет от скучной обязанности управлять самим собой и дает им возможность свободно заниматься своими частными делами. И вот еще последнее объяснение успеха машины: она является правительством. Она в высокой степени обладает многими качествами, кроме законности ее происхождения и честности ее деятелей: персонал ее лидеров и работников составлен путем естественного отбора, и ни в какой мере не формальным способом; они являются представителями большой массы избирателей, они связаны с ней и в особенности связаны между собой наиболее тесными узами социальной связи, чувством взаимной привязанности и феодального лоялизма в отношении к своим руководителям; индивидуальная ответственность и личное достоинство являются единственными принципами, которые регулируют их отношения; твердость, энергия и смелость характеризуют все их действия. Они обладают именно теми достоинствами, которых как раз и не хватает обществу в целом, раздробленному, разрозненному, инертному и неизменно трусливому. Такие существенные принципы управления, как отсутствие формализма, индивидуальная ответственность и чувство личного достоинства, как раз противоположны тем, которые общество позволяет машине себе навязывать, как эзотерические доктрины, которые в прежние времена отдавали народ во власть коварных обладателей эзотерической доктрины.

Это – управление, но это не то управление народа народом, которое было установлено конституцией. Но если это не народное управление, то каково же оно? В последние годы, которые были

свидетелями народного взрыва против могущества денег, часто отвечали на этот вопрос следующим образом: это управление в пользу частных интересов, это коммерческая олигархия, которая владеет страной. Эти недостойные утверждения обоснованы далеко не плохо, тем более, что они являются общераспространенными. Изучая пути и средства машины, мы достаточно хорошо обнаружили те финансовые интересы, с которыми она связана и которым она, служит. Они не являются, конечно, единственными коррумпированными и даже преступными частными интересами, сопровождающими машины, но они, безусловно, являются наиболее очевидными и наиболее деморализующими. Они не хотят управлять страной, это не является их главной целью, но чтобы добиться своего, чтобы удовлетворить свою алчность, они систематически стараются сделаться хозяевами всех государственных административных учреждений. Общая забота о различных финансовых интересах и естественная общность их методов создает между ними сотрудничество, которое распространяется, как паутина, на всю область управления. Они предоставляют наибольший рынок для всех сил коррупции в обществе, и эти силы привлекаются к ним самопроизвольно, в то время как партии предоставляют в их распоряжение честные элементы общества.

Хотя эта картина внеконституционного управления, как она была только что изображена, в значительной степени соответствует действительности, однако она в перспективе должна подвергнуться некоторому незначительному изменению: на вершине управления не появится больше босс или политический ринг, но крупный финансовый капитал и крупная промышленность. Боссы окажутся на более низкой ступени в качестве агентов и поставщиков частных интересов и разделят эту функцию с другими посредниками, как деятели парламентских кулуаров, банды депутатов или коррумпированных городских советников, за ними же будет стоять центральный комитет господствующей партии или же центральные комитеты обеих партий. Такого рода политический трест, с крупными финансами и с крупной промышленностью по главе, получил значительное развитие за последние десять – пятнадцать лет, не уничтожив, однако, розничной торговли политической коррупции, которой занимаются местные ринги и машины. Они отличаются друг от друга лишь по своим методам. Политический трест, также как и трест промышленный,

не имеет нужды прибегать к грубым приемам мародеров; ему достаточно одной концентрации сил коррупции для того, чтобы с легкостью достичь своей цели: не расхищая народного достояния, он создает для частных интересов обширные источники обогащения посредством новых дополнительных законов или даже использования существующих законов при попустительстве со стороны их конституционных хранителей. Боссы и машины, которые работают над прежним материалом, все больше приближаются к традиционным методам Таммани. Во всяком случае, настоящего правительства нет там, где его предусмотрела конституция.